Император сложил руки за спину и задумался, а после кивнул Гун Сан-Мо:

– Следуй за мной.

Мужун Юй-Цзянь тоже поспешил вдогонку - объясняя, что хочет забрать жемчужины Е Мин и подарить их Цянь-Юй. Мужун Цан не стал возражать и просто кивнул по пути, пока шел вместе с Гун Сан-Мо в императорскую резиденцию. Там они провели не один час за беседой, но о чем они говорили не знал никто. Даже главного имперского евнуха Ли Цзинь-Хая отослали на это время.

А когда Гун Сан-Мо вышел из императорских покоев, в руках у него была шкатулка, обтянутая парчой. Кроме него самого и императора, ее содержимое не было известно никому. И пусть Ли Цзинь-Хай прожил во дворце много лет, он мог лишь догадываться, что же было внутри. Евнух задумчиво смотрел вслед уходящему князю. По сравнению с обычной для Гун Сан-Мо холодностью и отстраненностью, сейчас князь выглядел весьма расслабленным.

Его расправленные плечи и широкая походка, его небрежно уложенные волосы, словно танцующие на ветру, его рукава трепыхающиеся при движении – всё говорило, что князь Сянь сейчас в отличном настроении.

Ли Цзинь-Хай лишь покачал головой. Жизнь в запретном городе научила его, что некоторым вещам лучше оставаться неизвестными. Он был в Императорском Дворце лишь для одной цели - служить своему господину.

Покинув императора, Гун Сан-Мо не стал возвращаться в покои Юнь Цянь-Юй, а уехал обратно в усадьбу князей Сянь.

* * *

На столицу опустилась ночь, спокойная и тихая. Но не стоило обманываться - под тонкой пленкой безмятежности скрывались волны зарождающегося шторма.

Каждый дом, каждая усадьба и каждый дворец были наполнены приглушенным шепотом. В каждом окне виднелись силуэты людей, переговаривающихся тихими голосами – все обсуждали последние новости, приезд принцессы Ху Го.

А на следующее утро новая громкая новость разнеслась по столице!

Этой ночью за городом в форте Ху Вэй случилось чрезвычайное происшествие! Да такое серьезное, что Князь Жуй, лично выехавший туда, ничего не смог сделать! Простой люд, что возвращался ночью в город, говорил, что хотя было неизвестно что случилось, но они видели большой пожар в форте Ху Вэй. А также, что из лагеря доносились яростные крики и звуки жестокой битвы. Когда Князь Жуй приехал утром в город, он выглядел несчастным.

На этом новости не закончились. Мать заместителя министра труда вчера внезапно заболела. Даже самые лучшие врачи столицы оказались бессильны и утром над усадьбой заместителя министра вывесили траурный белый флаг, а весь дом заполнился плачем. Сейчас поместье Бай полностью погрязло в неприятных делах, связанных с похоронами.

В отличие от этой, история с премьер-министром Тяном была забавной. Накануне он случайно вывихнул лодыжку. Одного-двух дней отдыха было достаточно для полного выздоровления, но вчера вечером две наложницы премьер-министра ни с того не с сего начали драку за его благосклонность. Как результат, в пылу сражения они случайно сломали премьер-министру ногу. Теперь бедняга прикован к постели и очень надолго.

И настоящую бурю смеха вызвал случай, приключившийся с Великим генералом Лю. Обеспокоенный пропажей сына, он искал его за городом, в то время как тот, оказывается, напился допьяна в борделе, а закончилось всё дело тем, что он затеял потасовку с иностранным торговцем прямо на улице. Свидетелем позорного сражения стал весь город. Узнав чем занимался его сын, генерала Лю буквально рвало кровью от гнева. А сейчас из-за перенапряжения он превратился в лежачего больного, который не может даже встать с кровати.

Народ вздыхал, не понимая, как так получилось - столько несчастий и все случились разом в одно время. Во всей столице лишь люди из фракции князя Жуй оставались спокойными. Они знали, что всё происходящее просто шоу - чтобы поставить на место принцессу Ху Го.

Вот только на утро, когда люди фракции князя Жуя прибыли в императорский город на заседание, они, наконец, поняли, что всё случившееся было реальностью. Не было никакого спектакля. Заместитель министра труда Бай Юн Чжи, премьер-министр Тянь и великий генерал Лю – все трое отсутствовали.

Одетый в черные одежды, расшитые золотой нитью, Мужун Цан, возвышаясь на своем троне-драконе, не сводил глаз с бледного и помятого князя Жуя. Император в душе не мог не

восхититься Юнь Цянь-Юй. Эта девочка действительно что-то с чем-то. Она сумела даже обратить ход злокозненного племянника против него самого! Вот уж точно новорожденный теленок не боится тигра!* Так, ладно, раз ее подарок уже вручен, ему нет причин отказываться, верно?

*(пп: китайское высказывание, подразумевающее молодежь, совершающую дерзкие поступки).

Император будет гневно отчитывать чиновников, и никто не осмелится ему возразить. Все факты на лицо, а в довершение всего они сами везде обмишурились - так что здесь можно было возразить?

Люди фракции князя Жуя время от времени незаметно поглядывали на своего лидера.

Князь Жуй выглядел очень подавленным, он не мог найти никаких объяснений случившемуся. О трех других инцидентах он сам узнал лишь перед началом утреннего собрания, поэтому подготовить контрходы попросту не успел. Князь знал, что мать Бай Юн Чжи больна, но всё остальное было чистым враньем, ну и как же всё так обернулось что это правда? Кто-то явно приложил к этому руку.

Он подозрительно покосился на своего дядю, Мужун Цана, восседавшему на троне. Старику недолго осталось, поэтому он всегда уступал мне, стараясь быть помягче. Он и в самом деле осмелится сегодня оскорбить меня? Или… что невозможно... всё, произошедшее прошлой ночью, проделала новая принцессы Ху Го. Никто на свете, и неважно насколько он силен в боевых искусствах и медицине, не может быть настолько хитрым и расчетливым! Тем более пятнадцатилетняя девчонка. Только не говорите, что эта хозяйка Долины Юнь и впрямь так хороша. Уж тогда бы ей уже удалось вылечить старика от яда, разве нет?

Пока князь Жуй нервно играл про себя в игру "угадайку", Мужун Цан наслаждался подарком Юнь Цянь-Юй.

– Ученый Лу Цзы Хао!

– Ваш слуга здесь! – Лу Цзы Хао встал перед императором и поклонился.

– Подготовьте указы!

– Как пожелает Ваше Величество! – Лу Цзы Хао прошел к столу. Он взял в руки перо и стал ждать Мужун Цана.

– Заместитель министра труда Бай Юн Чжи вчера вечером потерял мать. Я позволяю ему оплакивать ее в течение трех лет, после чего он может вернуться ко двору. Премьер-министру Тяну нездоровится, поэтому ему следует полностью выздороветь и только тогда вернуться к своим обязанностям. Великий генерал Лю плохо воспитал своих детей. Он не сумел сохранить мир в своей семье, что уж говорить о сохранении мира на нашей земле? Он должен быть освобожден от должности Великого генерала и не показываться на люди, скрывая свой позор, в течение трех лет. Все его военные силы должны быть распущены и покидать столицу ему дозволяется лишь только с письменного указа.

Каждое слово Мужун Цана было равносильно удару кинжалом прямо в сердце сановникам. Все трое были из фракции князя Жуя и своим указом император в открытую отвесил князю пощечину.

Придворные почувствовали изменение атмосферы вокруг. Втайне каждый из них пытался понять, что происходит.

Образно говоря, Князь Жуй по-прежнему "твердо стоял на ногах", но император вдруг реально выступил против него.

Увидев сына, потерявшего сознание после избиения у столичных ворот, князь Жуй пришел в ярость и решил припугнуть Юнь Цянь-Юй. Изначально он думал воспользоваться этим инцидентом, чтобы бросить тень на Юнь Цянь-Юй и затем одним коварным ударом отнять у нее титул принцессы Ху Го. Князь и предположить не мог, что девчонка укусит в ответ. С новым указом императора все усилия князя Жуя по наращиванию сил - превратились в пыль.

Однако, император еще не закончил. Взгляд Мужун Цана упал на князя Жуя.

– Князь Жуй пренебрегает своим долгом в форте Ху Вэй. В форте все расслабились и нет никакой дисциплины. Гарнизон перепился вина и всё закончилось дракой. Мало того, разгорелся пожар, который вовремя не потушили, что привело к множеству смертей и ранений солдат форта. Достоин ли после этого гарнизон Ху Вэй права защищать столицу? Ваша тигриная печать** должна быть сейчас же сдана, а на вас налагается штраф в размере вашего годового дохода.

**(пп: знак военачальника, дающий ему право командовать войсками)

– Ваше Величество, вы не считаете, что наказание слишком сурово?

– Верно. Ведь не князь Жуй всё это устроил.

– Пожалуйста, измените свое решение, Ваше Величество! Князь Жуй - единственный имперский наследник, а кроме того в этом зале нет более достойного человека, чем он, для командования фортом Ху Вэй.

Фракция князя Жуя не могла терпеть этого дальше. Форт Ху Вэй отвечал за защиту столицы и Князь Жуй не мог потерять такую огромную силу и власть.

– Единственный имперский наследник, говорите? Вы говорите в лицо императору, что имперский внук, Мужун Юй-Цзянь, не императорской крови?

Герцог Жун сразу же вышел вперед из толпы и обвинил высказавшегося придворного. Его слова, с просьбой очистить имя покойной принцессы, были обращены к императору.

Придворный моментально осознал свою ошибку. Он тут же бухнулся на колени перед императором, признавая свою вину:

– Ваше Величество, ваш покорный слуга сказал глупость!

Хотя в глазах придворных Юй-Цзянь был лишь маленьким ребенком, которого они выдворят вон, рано или поздно - они ни за что не признались бы в этом, тем более огласив идею открытым текстом.

– Я даже не предполагал, что вокруг меня столько ненадежных людей! – холодно улыбнулся Мужун Цан.

– Ваш слуга просит милости, Ваше Величество! Ваш слуга совсем не это имел в виду! – теперь уже целая группа придворных стояла на коленях перед троном, умоляя о прощении провинившемуся.

– Если вы говорите, что здесь имелось в виду что-то другое, тогда что именно имелось в виду? Именно потому, что князь Жуй является племянником императора, ему и нужно получить это наказание! Преступление кого-то из имперской семьи остается всё равно преступлением, даже наоборот, его вина больше. В конце концов, он не должен забывать, что он - князь!

Взгляд князя Жуя заледенел. Неужели ты считаешь, что сможешь защитить маленького Юй-Цзяна, просто отобрав у меня форт Ху Вэй? Даже твои сыновья не смогли победить Меня, настоящего владыку, что уж говорить про твоего маленького внука! Мечтай-мечтай, старый дурак!

Форт Ху Вэй был сожжен прошлой ночью из-за дурости солдат, устроивших внутренние разборки. Верные ему люди, которых он обучал и возвышал - либо тяжело ранены, либо погибли. Так что тех, кто сейчас у него там остался, не так уж и много. К тому же форту нужен ремонт, а людей придется готовить с самого начала. Слишком много усилий это потребует, настолько много - что оно того не стоит! Подождем, когда форт Ху Вэй восстановят, а затем просто поставим во главе своего человека!

Князь поклонился и передал тигриную печать :

– Ваше Величество, ваш слуга признает свою вину.

Ли Цзинь-хай вышел вперед и забрал тигриную печать.

Мужун Цан холодно усмехнулся внутри, но внешне ничем не выдал себя - его лицо по-прежнему пылало гневом. Он взмахнул рукой, после чего рассерженным шагом покинул зал утреннего заседания. Герцог Жун ушел следом, и с не менее раздраженным лицом.

Ученый Лу Цзы Хао посмотрел на четыре указа перед собой и уголки его губ изогнулись. Теперь, когда он закончил, видно насколько красив у него почерк - да, у него настоящий талант в этом деле! Затем мужчина встал со своего места, подхватил бумаги и неторопливым шагом приблизился к толпе чиновников. Он отдал им дань уважения, после чего направился к выходу.

– Ой-ей, целых четыре указа. Сегодня придется побегать, – пробормотал он себе под нос. – У меня же ноги сломаются от усталости.

Вдруг он остановился у выхода и обернулся к придворным:

– Уважаемые господа, никто из вас не собирается посетить резиденцию премьер-министра, навестить его? Мы можем поехать вместе!

Люди фракции князя Жуя посмотрели на князя Жуя. Никто из них не осмелился ответить Лу Цзы Хао.

– Брат Лу, поехали вместе, – раздался голос Хуа Мань-Си, а следом появился он сам, ленивой походкой выйдя из толпы.

– Хорошо, принц Хуа.

– Зови меня просто, "принц", если хочешь. Если можно, опусти "Хуа". А то звучит как-то... двусмысленно!

– Хорошо. В таком случае впредь я буду обращаться к вам как "принц Си".

– Отлично. Звучит куда лучше, чем принц Хуа.*

(пп: да, разницы вроде нет и звучит ужасно, ха-ха :) но как вам вечное обращение shizi к Хуа Мань-Си в анлейте? а вообще здесь речь о небольшом созвучии между Хуа шицзы (Hua shìzi), т.е. принц Хуа, и Хуасин - huaxin (□□); это идиома-прозвище, букв."цветочное сердце", что означает - плейбой :)))

Люди смотрели на Хуа Мань-Си, разодетого в красное парадное одеянье, и уголки их губ неудержимо задергались. Он собирается принести свои соболезнования в такой одежде? Он идет на похороны, а не на свадьбу.

Силуэты двух людей отдалялись всё дальше и дальше. Чиновники, занимавшие нейтральную сторону, все тоже ушли. В зале остались лишь люди фракции князя Жуя.

Они окружили князя Жуя, закидав его вопросами.

– Князь, что происходит?

– Разве они не притворялись? Почему всё стало реальным?

Князь Жуй смерил взглядом толпу. Что за кучка идиотов... Разве здесь подходящее место задавать такие вопросы?

Придворные - люди понятливые, до них тут же дошло, в чем дело. Они затихли, а затем следом за князем Жуем двинулись к выходу.

Князь Жуй резко обернулся и оглядел великолепный зал заседаний. Про себя мужчина

усмехнулся. Считаешь, что тебе удалось подрезать мне коготки? Ты будешь сильно разочарован, дядя.

* * *

Выпив пилюлю “И Сю”, Юнь Цянь-Юй проспала всю ночь и проснулась только следующим утром. Ее Ци улучшилось, духовная сила также восстановилась почти на половину - по ее внутренним ощущениям на 10/23. Пока она завтракала, девушка выслушала отчет Фэн Жана о прошедшей ночи, а также о всём что случилось на утреннем собрании двора.

Гун Сан-Мо был одет в светло-голубую одежду, а его волосы были высоко собраны на голове и закреплены белой нефритовой заколкой. Глаза мужчины блестели, когда он, убрав руки за спину, не спеша вышагивал своими белыми сапогами по коридору.

Войдя в комнату, первое, что он увидел, была Юнь Цянь-Юй, чье лицо восстановило свой здоровый румянец. На ней было голубое платье - она сидела за столом и уминала свой завтрак. Ее довольный вид поневоле заставил Гун Сан-Мо улыбнуться.

http://tl.rulate.ru/book/4928/407503